

День независимости

Продолжаем публиковать «роман в колонках» журналиста Олега Кашина. Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны

Глава 2

Дмитрий Олегович посмотрел вниз — там Новый Арбат стоял в пробке в обе стороны. Красный свет стоп-сигналов и белый свет фар сливались в красную полосу и белую полосу, Дмитрий Олегович подумал, что это похоже на польский флаг, и улыбнулся своему отражению в окне, именно себе улыбнулся, потому что ему нравилось быть остроумным. Польский флаг, надо не забыть и сказать об этом в эфире. Каждый раз, когда на улице пробка в обе стороны, улица превращается в польский флаг. Отвернулся от окна, поставил на стол недопитую чашку с чаем, спросил:

— А где Леша-то?

— Дима, привет! — главный редактор зашел в комнату, за ним протиснулся кто-то небритый, Дмитрий Олегович этого человека даже знал, виделись где-то много раз — телевизионный комик, член Координационного совета оппозиции, в сущности никто, и можно сделать вид, что ты его не знаешь и не видишь, даже здороваться необязательно.

— Леша, — сказал Дмитрий Олегович. — Слышал анекдот про «ее побили, меня трахнули?»

— Не слышал, — ответил главный редактор. — Мы тут про Калининград говорили,

как тебе они вообще, а? Видел тут нашего общего знакомого (главный редактор подмигнул), говорит, за стенкой все в шоке. Эфир начнем с Калининграда. Я ошибаюсь, или ты там работал?

— Я был спецпредставитель президента, — Дмитрий Олегович попытался сказать это с

гордостью, но не получилось. Переговоры с литовцами о визах он тогда провалил и старался лишний раз ту работу не вспоминать. — Так вот, анекдот. Собрались в бане американец, немец и русский...

Телевизионный комик надел кепку и исчез, ни с кем не попрощался.

— Погоди, ты сам о Калининграде что думаешь? Они серьезно? — главный редактор подошел к Дмитрию Олеговичу вплотную.

— Леша, тебе могу сказать, — Дмитрий Олегович не любил говорить шепотом, но тут вдруг заговорил. — Они, конечно, серьезно, и хрен знает, с кем из буржуев они там договорились. Я выясняю сейчас по своим натовским связям. Поручение президента. — После слова «президент» всегда надо делать паузу — это важно. Дмитрий Олегович еще раз посмотрел в окно на начинающий рассасываться польский флаг, а потом снова на главного редактора, прямо в глаза. — И это, Леша. Давай ты в эфире меня про Калининград спрашивать не будешь? Не надо сейчас.

Главный редактор кивнул и пошел наливать себе чай. Он умел не задавать лишних вопросов, и сейчас явно был случай, когда стоило воспользоваться этим умением.

— Дима, — обернулся он к Дмитрию Олеговичу. — Тебе черный или зеленый?

Девушка в студии читала новости. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков считает преждевременным говорить об отставке губернатора Калининградской области в связи с провозглашением регионом независимости. Депутат Госдумы Ирина Яровая назвала грязными инсинуациями информацию о принадлежащей ей незадекларированной квартире. Правительство Москвы до конца года оборудует в городе более ста километров велодорожек. Даниил Гранин назвал тяжелой утратой смерть Бориса Васильева. Завтра в Москве потеплеет до минус четырех.

Мне позвонили, и я выключил радио. Звонил Навальный: «Чувак, про Калининград что думаешь?». Я ответил, что история мутная, неясна роль губернатора, а Соломона я

давно знаю, мужик он хитрый и рисковать не любит, так что, наверное, это разводка, тем более что хэштег «Калининград» в топ твиттера вывели явные нацистские мурзилки. Я знал, что Навальный под подпиской, и нарочно спросил его: поедешь в Калининград? — он пробурчал что-то обиженное и отключился. Не поедет, конечно. Три года назад я читал лекцию в модном клубе «Цвет ночи». Позвали, попросили сформулировать тему, фантазировать было лень, и я сказал — «Россия для русских», искренне предполагая, что буду говорить что-нибудь о поднимающем голову русском национализме. Об этом я, конечно, сразу же забыл, и когда в назначенный день позвонили из клуба — напоминаем, мол, — я понял, что о национализме мне сказать как-то и нечего, и уже на сцене я выкрутился, сказал, что Россия для русских — это очень даже реально в ближайшей перспективе, будет страна от Смоленска до Владимира, и это будет именно национальное государство, вопросов нет. А остальные регионы, конечно, отвалятся, причем очень быстро и неожиданно, никто и не заметит — соберутся губернаторы и обо всем договорятся, и никто ничего уже не удержит, все будет скучно и неинтересно. Сколько я ту лекцию читал — час? Не больше. Пока говорил, начал верить сам; ну а в самом деле, распадется же страна, почему нет? Не могу сказать, что много об этом с тех пор думал, но сейчас — вот, пожалуйста, целый регион отделился. Началось! Я еще раз взял в руку телефон и написал в твиттере: «Началось».

«Началось», — думал и Соломон, когда получил первую ноту о признании независимого земландского государства. Соломон сидел теперь в кабинете с табличкой «Министр иностранных дел» на двери напротив, как и положено начинающему министру, женского туалета, зато на том же этаже, что и кабинет губернатора, которого Соломон пока не научился называть президентом, но обязательно научится. В кабинете Соломона было пока пусто и неуютно — пустой шкаф и пустой чайник, и стол с компьютером. Первой республику признало Балтийское казачье войско. Ноту принес сам атаман — Анатолий, тощий мужчина с серым лицом, чуть постарше Соломона. Анатолий когда-то работал в обкоме комсомола и был с Соломоном шапочно знаком, но потом жизнь их совсем раскидала, не виделись лет, может быть, двадцать, и теперь оба не знали, как друг к другу обращаться, на ты или на вы.

— Ну давайте, что там у вас, — Соломон прочитал ноту и укусил себя за уголки губ изнутри рта, чтобы не засмеяться. Балтийское казачье войско признает Земландскую республику, ок. Домовой признает Деда Мороза. — Спасибо, Анатолий Степанович. Для нас сейчас это очень важно, — Соломон встал со стула и, наконец, протянул атаману руку. Анатолий шагнул навстречу, позвякивая своими медалями, рукопожатие состоялось, и Соломон с тоской подумал, что, наверное, атаман сейчас попросит денег. И точно — войско, сказал Анатолий, всецело готово встать на защиту рубежей молодого (чуть не сказал «советского», проглотил слово в последнее мгновение) государства, но для этого нужна бюджетная поддержка.

— Толя, милый, — кусать себя изнутри было уже не нужно, Соломон широко улыбнулся. — Я министр иностранных дел, а вы — субъект гражданского общества. Не по моему ведомству интересуетесь, вот что. — Еще раз пожал руку и выставил атамана за дверь. Пусть побродит по кабинетам, вдруг что найдет. Соломон отодвинул клавиатуру в угол стола, положил на стол ноги, задумался. Если бы его сейчас спросили, как у него дела, он бы честно ответил, что дела у него никак. Единственной страной, которая отреагировала на провозглашение независимости, оказалась, как ей и положено, Литва — на электронную почту Соломона вчера пришло письмо из литовского МИДа, что литовская сторона очень дорожит добрососедскими отношениями и намерена дорожить ими впредь, а что касается перемен в Калининградской области, то МИД надеется, что они никак не повредят приграничной торговле и туризму, и если Соломон хочет побывать в Литве, то на уровне муниципалитетов ему будет обеспечен самый теплый прием. «Войну, что ли, им объявить», — подумал Соломон и захотел засмеяться. Не смог, было грустно. В коридоре шумели — это охрана выгоняла атамана.

«Свободная пресса»